

ЛЮБОВЬ ОГНЕННАЯ

НЕЖЕНКА

ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ НЕНАВИДЕТЬ

Любить нельзя ненавидеть

Любовь Огненная
Неженка

«Автор»

2022

Огненная Л.

Неженка / Л. Огненная — «Автор», 2022 — (Любить нельзя ненавидеть)

Вот уже больше сотни лет верхушкой власти на Земле являются имситы – носители идеального гена, модифицированные ровно настолько, чтобы превосходить людей буквально во всем. Их ненавидят, их боятся, но им подчиняются, потому что только благодаря имситам люди все еще живы как раса. Подчиняются, а конкретно я вынуждена подчиняться имситу-отцу, который скрывает, что я его дочь, и желает насильно выдать меня замуж за такого же монстра. Есть только один способ избавиться от его власти до моего совершеннолетия – отправиться на “Малли” в закрытый колледж для трудной молодежи и найти себе там жениха. Только так я смогу обрести свободу. И обрету, даже если потенциальный жених будет против брака.

© Огненная Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дора Коуст Неженка

© Дора Коуст, 2022

Пролог

– Да, я получил документы.

Отложив стопку листов в сторону, молодой мужчина, занимающий массивный рабочий стол, вновь помешал остывающий кофе. Пригубить напиток во время разговора по ифону не позволяло воспитание, но чарующий бодрящий аромат так и манил. Оттого и размешивал он его уже в пятый раз за прошедшие минуты, попеременно вглядываясь то в полученную документацию, то в камеры видеонаблюдения.

На трех широких экранах, подвешенных на уровне его отливающих серебром глаз, одновременно отражалось видео с восемнадцати камер. Но его интересовали только три. Именно они следили сейчас за девушками, которые фактически являлись его воспитанницами.

Молодые, взбалмошные, потерявшие себя – каждая из них провела на этой ферме свой определенный срок, но еще ни одна из них не была готова вернуться в реальный мир. Потому что он заставлял их находить себе цели и идти к ним, пункт за пунктом выполняя поставленные задачи.

Эльдер Тарль уважал труд. Он считал, что именно труд когда-то сделал из обезьяны человека, а потому ежедневно его воспитанницы трудились на благо своего временного дома и на свое. Например, сейчас они боролись с сорняками. Успешно, между прочим, боролись.

– Да-да, я вас слышу, – вновь вернулся мужчина к разговору.

– Понимаете, – ярился собеседник, хотя имситам – носителям идеального гена, модифицированным ровно настолько, чтобы превосходить людей буквально во всем, – эмоции были не присущи, – она совершенно отбилась от рук. Никого не слушает, постоянно сбегает из дома: для нее нет авторитетов. Мне нужна покладистая дочь.

– Прошу прощения, не могу не спросить: зачем конкретно вам нужна покладистая дочь? Насколько я вижу по документам, господин Мерль, девочка на вас не зарегистрирована.

– Будет зарегистрирована, – скупое пояснил имсит, не желая вдаваться в подробности.

– Вам придется сказать мне правду. Психологическая составляющая моего эксперимента крайне важна. Я должен понимать, как именно необходимо влиять на объект и к чему направлять.

Несколько секунд неуверенного молчания дали Эльдеру гораздо больше ответов. Сверхлюди в принципе никогда не вмешивали посторонних в дела семьи, надежно пряча свои скелеты за семью замками. Он это знал не понаслышке. Сам принадлежал к влиятельному роду, но вовремя успел сбежать на другую планету. Не только от ответственности, которую на него хотели повесить, взвалив на его плечи дела семьи, но и от контроля отца, что фактически до сих пор являлся главой рода.

– Напоминаю, я подписал бумаги о неразглашении. Все, что я услышу, навсегда останется при мне, – произнес он в ифон, чтобы поторопить собеседника.

Время Эльдера стоило слишком дорого. И дело было совсем не в деньгах. Просто мужчина умел ценить себя и эту жизнь в целом.

– Я действительно собираюсь признать дочь. Через два месяца ей назначена процедура введения сыворотки...

– А затем вы выдадите ее замуж. Ваш случай не единичный, – усмехнулся хозяин закрытого колледжа, но лишь в мыслях.

Как уже говорилось ранее, имситы скупы на эмоции, и Эльдер не являлся исключением.

– Совершенно верно. И раз уж вы узнали правду, у меня к вам будет еще одна просьба. Научите Веролику самоконтролю. Мне известно, что вы славитесь своей стальной выдержкой.

Знал бы его собеседник, чего ему стоил этот железный самоконтроль. Годы ежедневной борьбы с самим собой. Годы, что кажутся вечностью.

Эльдертарион Тарль трижды терял контроль. Впервые животные гены взыграли в нем почти шесть лет назад. Тогда его младшая сестра пропала на целых три дня, не позволяя себя не то что найти, а хотя бы убедиться в том, что она жива.

Ее крупная ссора с отцом тогда обернулась самой экстравагантной ее выходкой: девушка отправилась учиться в военную космическую академию, абсолютно не думая о том, что это место не для женщин. Даже мужчины не все проходили обучение до конца, а уж хрупкой человеческой девушке, привыкшей к комфорту и роскоши, там делать было нечего и подавно.

Но она отправилась, а он узнал об этом лишь позднее, когда до вылета космолета оставался всего лишь час.

А мог бы и не узнать.

Если бы отец отправил его в клинику для утративших контроль имситов, откуда сверхлюди редко возвращаются, он бы не пришел в себя как раз в тот момент, когда в особняк доставили письмо. Элааиза написала его и отправила отцу в надежде, что тот остановит ее от необдуманного поступка.

Но правда в том, что их общему отцу на дочь, которая не унаследовала идеальный ген, всегда было наплевать. Он замечал ее лишь тогда, когда ее выходки выходили за рамки дозволенного.

Эльдер сам отправился на пусковую арену. Пытался отговорить сестру не поступать неблагоразумно, но, как он и предполагал, его доводы она слышать не захотела. Тогда он принял решение лететь в космическую военную академию вместе с ней. И второй раз, как и в третий, он потерял контроль над собой именно там.

Вместо одной девушки в группе, для которой он был назначен капитаном, их было две. Каролина во многом отличалась от его сестры. Если не сказать во всем. Эта девушка точно знала, чего хочет, не играла в гордость, а держалась за нее до конца. Принципиальная, сильная, умная, смелая. Для Кары Эльдертарион не жалел комплиментов, потому она ему действительно нравилась.

Но не ему одному.

Один из курсантов попытался надругаться над ней прямо в душевых, и это выбило Эльдера из себя. Тогда этот молодой привлекательный имсит впервые убил. Голыми руками сломал шею зарвавшегося идиота и до сих пор несколько не пожалел об этом.

Даже если бы знал, что его за этот поступок упекут в клинику навсегда, все равно не поступил бы по-другому. Однако его не упекли. Оставили в секрете реальное положение дел, пролечили его в медицинском корпусе и отпустили снова учиться. Потому что отец походил тайствовал за единственного наследника.

Впрочем, в третий раз его не упекли в клинику тоже исключительно благодаря отцу. Эльдертарион потерял контроль над собой, когда сыворотка, позволяющая людям кратковременно обрести все преимущества имситов, вдруг дала неожиданный результат на двух самых важных в его жизни девушках.

Он обезумел, потерял себя, напал на курсантов и медперсонал, что привело к его немедленному переводу в другую группу. Виной всему являлась прочная связь с Эльзой, которую он фактически вырастил. Сестра была для него всем, смыслом жизни, но ему пришлось эту связь разорвать.

Не отношения, нет. Они и спустя пять лет после того злополучного дня хорошо общались, но болезненную привязанность, сверхопеку ему в себе пришлось задушить. И он душил каждый день, выкорчевывал, напоминая себе, что она уже взрослая. Она сама способна о себе позаботиться.

– Я постараюсь обучить вашу дочь самоконтролю, но ничего не могу обещать. Носители идеального гена нового поколения слишком сильно отличаются и от людей, и от имситов в эмоциональном плане. Пусть им и не грозит утрата разума, эмоциональные вспышки чаще

всего выходят наружу истерикой и неоправданной яростью. Боюсь, моя методика для вашей дочери будет попросту бесполезна.

– Но вы попробуете, – не спросил – констатировал факт собеседник.

– Попробую, – согласился Эльдер. – И последнее: вы не выслали фото Веролики.

– Уже высылаю.

Неподвижное изображение вылезло из его печатного ринтера уже через минуту. Необъятными голубыми глазами на мужчину смотрела молоденькая блондинка. В ее документах было указано, что ей всего двадцать – второе совершеннолетие она еще не прошла, и, пожалуй, именно на свои двадцать эта девушка и выглядела.

Странно, но в ней отчего-то он одновременно видел и Элааизу, и Каролину. Не тех, какими они стали сейчас, а тех других, коими являлись пять лет назад. Упрямая, гордая, хитрая, взбалмошная, сильная и яркая – эти качества в девушке преобладали со стопроцентной вероятностью. И за что ему такой коктейль?

А впрочем, Эльдеру нравилось, когда на его ферме появлялись новенькие. Он любил ломать их жизненные устои, переворачивать их мир с ног на голову, любил учить их жить, а не подстраиваться и существовать. Ему нравилось менять их мировоззрение. И он работал для них, а не ради прихоти их родителей.

Если бы не двусторонний договор о неразглашении, обеспокоенные родители давно узнали бы, что в этом учебном заведении учитывают совсем не их интересы. Но никто не мог поделиться собственным опытом, потому что неустойка, согласно договору, была настолько огромной, что Эльдер мог бы купить вторую такую же ферму.

Да и предъявить беснующимся родственникам ему было нечего. Согласно все тому же договору он не гарантировал стопроцентный результат оправдания их ожиданий. Он вообще ничего не гарантировал, обещая лишь обучение и трудовые будни. И обещания свои, что уж скрывать, выполнял.

Забрав со стола кружку с остывшим напитком, имсит подошел к большому панорамному окну. Ему нравился его кабинет. Нравилась массивная мебель из темного дерева, нравилась его личная маленькая библиотека и вот это окно-дверь. Через него отлично просматривался цветущий сад, который сегодня был вновь оккупирован.

Три девушки, занимающие простую деревянную беседку, к его воспитанницам никакого отношения не имели. Иногда ему казалось, что они являлись его личными проблемами, потому как свое свободное время предпочитали проводить исключительно вдвоем и исключительно на его территории, но он-то знал настоящую причину их появления здесь.

Элааиза снова пряталась от своего благоверного, точно зная, что на ферму Эльдера никто ступить не посмеет.

Хотя благоверным племянника главы племени его сестра не считала, это несколько не мешало Фави ежедневно устраивать охоту на строптивую девушку. Не принято было в племени дикарей отказываться от понравившейся самочки. Эльдертариона вся эта беготня только забавляла.

Ну а Каролина и Малика приходили сюда вслед за подругой. Одна отдыхала здесь от своих обязанностей главы человеческого поселения, а вторая от работы в центре помощи женщинам, попавшим в трудную ситуацию, что располагался в семи часах полета отсюда – на Земле.

Обе уставали от той ноши, которую взвалили на свои плечи, но и обе вызывали у него – у Эльдера – восхищение.

И не только восхищение.

Эльдертарион по-прежнему был равнодушен к Каролине. Даже находясь на шестом месяце беременности, она вызывала у него улыбку. Он любовался ею, но всегда издалека, изредка позволяя себе подумать о том, что было бы, не облажайся он пять лет назад. Каролина

могла бы принадлежать ему, носить его ребенка под сердцем, но вышло как вышло. В конце концов, все мы делаем выбор и никогда не знаем, правильный ли он.

Эльдеру нравилась и Малика. Прояви он пять лет назад немного настойчивости, немного особого шарма, коим когда-то владел, эта предприимчивая девушка тоже могла бы сейчас принадлежать ему. Видно, судьба у него такая – встречать в своей жизни тех, кто уже принадлежит другому, чье сердце прочно занято, даже если они об этом еще не догадываются.

Три блондинки – три его личные проблемы – почти что синхронно обернулись и помахали ему, тем самым показав, что мужчина обнаружен, как бы ни прятался за тяжелой портьерой.

Сделав еще один горький глоток, пропитанный легкой сладостью мяты, Эльдер вновь взглянул на фотографию, что по-прежнему удерживал в руке. Девушка, сидящая на моте последней модели, была сверху донизу облачена в черную кожу. Черный же шлем преспокойно висел на ручке мота, хотя должен был спрятать ее светлые распущенные волосы. И пусть эта картинка должна была ассоциироваться у мужчины с бунтарством, со вседозволенностью, с тяжелым характером, исходя из своего опыта, он точно знал, что перед ним сидит очередная неженка, свалившаяся на его голову.

Та, в чьем сердце слишком много боли и обид. Та, что подсознательно стремится дополучить любовь, которой ей не хватило в детстве. Та, что абсолютно точно беспомощна для любой из трех планет. Но ничего. Он подарит путевку в жизнь и ей, как делал это десятки раз до нее.

– Эльдер, а у тебя поесть ничего не завалилось с обеда? – раздвинув скользящие двери, нагло вторглась в его кабинет Элааиза.

Вслед за ней вошли Каролина и Малика.

– Здравствуй, Эльдер, – улыбнулась кошка, которая гуляет сама по себе.

Взгляд Малики мужчине сразу же не понравился. Он не успел даже сестре ответить, как уже точно знал: сейчас его снова будут о чем-то просить. И он не откажет. Этим двум он ни в чем отказать не мог.

– Так завалилось или нет? – вновь спросила его сестра, переводя все внимание на себя.

Даже с возрастом Элааиза по-прежнему нуждалась быть в центре любого внимания.

– Завалилось. Сходи посмотри на кухне. Малика, ты что-то хотела?

– Ты прямо-таки читаешь мои мысли! – засветилась девушка радостью. Среди них трех она единственная, кто по-прежнему оставался человеком. – Слушай, будь другом, сгоняй завтра на Землю, а? Нужно новый груз забрать и пару десятков пассажиров.

– А что случилось с Ирадием и РиАнтом? – не спешил Эльдерион соглашаться, хотя точно знал, что этот бой уже проиграл.

– Один улетел подписывать торговый договор с нигейцами, а второй и без того на Земле. Что-то у них там опять восстания в Верграйзе, – ответила вместо подруги Каролина.

– Что-то серьезное? – забеспокоился Эльдер.

– Пустяки. Молодежь балуется, – отмахнулась девушка, точно знающая всю политическую кухню Земли изнутри.

– Так поможешь? – спросила Малика. – Одна надежда только на тебя. А иначе придется платить неустойку, аренду за место на складке, и продукты опять же испортиться могут, и...

– Я понял, понял, – остановил он девушку жестом руки и строго добавил: – Помогу. Но это в последний раз.

Абсолютно все в этой комнате знали, что далеко не последний.

Глава 1

В гостях у сказки

– Джаз, ну можно я переночую у тебя? Мне сегодня ни в коем случае нельзя домой, – бессовестно давила я на жалость.

Стояла, привалившись к своему моту, и наблюдала за откровенной халтурой. Парень писал на стене министерства краской из распылителя фразу: «Свободу людям!» – но буквы выходили настолько корявыми, что у меня пальцы зудели от желания выхватить баллончик и сделать все самостоятельно.

– Не думаю, что мать обрадуется. – Парень будто специально на меня не смотрел, и это вызывало вопросы.

– Она же на смене? – припомнила я.

– Но утром-то придет.

– Джаз, в чем дело? – спросила я с нажимом.

Тяжело вздохнув, парень обернулся и наконец-то взглянул мне в глаза.

– Прости, Вери, но ты не нравишься моей маме. Она против того, чтобы мы общались.

– Ты серьезно? – опешила я.

– Она считает, что ты плохо на меня влияешь.

Ответить на этот абсурд мне было нечего. Забрав у друга баллончик, чтобы чем-то занять руки, я начала переделывать его надпись, придавая ей объема, аккуратности и цвета. Злилась. Не на парня, нет. Он всегда был ведомым, а потому злиться на него не имело смысла. Я злилась на саму ситуацию, ведь домой мне действительно возвращаться было никак нельзя.

И дело было не только в том, что я в очередной раз сбежала через окно. Я в принципе хотела сбежать. Навсегда.

– А у тебя хорошо получается, – похвалили меня, видимо, чтобы смягчить отказ.

Закатив глаза, я продолжила свое грязное дело.

– Джаз, вы скоро? – окликнул друга тощий парень в зеленой толстовке. – Мы уже закончили.

– Да, мы тоже, – громко ответил Джаз.

Именно в этот момент недалеко от нас раздался знакомый вой сирены. Представители правоохранительных органов появились в конце улицы на летных машинах, заполняя собой обе полосы. Не нужно быть гением, чтобы понять, по чью душу они прилетели. Даже до Джаза сразу дошло.

Спешно закинув остальные баллончики в сумку, он бросился наутек. Я тоже не отставала. Надев шлем, завела мот и выехала на дорогу. Здесь каждый был сам за себя.

– Давай же! Давай же! – подгоняла я свою тарахтелку.

Мот набирал скорость, но слишком медленно. Одно из летных авто фактически село мне на хвост.

– Черный мот, немедленно остановитесь! – услышала я сквозь шлем грубый мужской голос, раздавшийся из передатчика.

– Да сейчас, ага, – ответила я, хоть и знала, что меня не услышат. – Только шнурки на ботинках завяжу.

– Черный мот, если вы сейчас же не остановитесь, я буду вынужден стрелять, – предупредили меня, а я снова ускорила, до боли сжимая зубы.

Едва мы выехали на более-менее свободную трассу, соединяющую второй и третий уровни, я поняла, что меня преследуют сразу два экипажа. Заняв собой обе крайние полосы,

они сокращали тот разрыв, что мне удалось за это время обеспечить. Понимала: еще немного – и деваться мне будет некуда, а потому резко ударила по тормозам.

Авто улетели далеко вперед, пока я рывком разворачивалась. Теперь расстояние между нами стало гораздо больше, однако отставать представители правопорядка и не думали. Развернувшись, они вновь летели за мной и...

Выстрел я сначала услышала, а уже потом почувствовала, что они попали по заднему колесу. Впившийся в шину датчик сбивал магниты, что соприкасались с магнитным полем. Он менял их полярность, а потому я почти сразу же потеряла управление.

Потеряла, но не сдалась.

Рухнув на дорогу, мой мот едва не завалился, но мне удалось его выровнять. Скорость падала, я выворачивала на узкий проспект. Еще немного, и я скроюсь в проулке, куда летным авто пути нет. Еще немного...

Летное авто появилось у меня на пути как гром среди ясного неба. Перегородив собой дорогу, оно и не думало двигаться, а мне тормозить было уже слишком поздно.

– Да чтоб вас! – попыталась я развернуться, но тщетно.

Врезавшись боком в дверцу, я уже точно знала, что все пропало. И даже знала, что за этим последует дальше.

– Руки держать так, чтобы я их видел, – грубо произнес полицейный, за шкуру стаскивая меня с мота.

Еще две летные машины остановились недалеко от нас. В одну из них меня и запихнули, зачитывая мои права. Я их знала наизусть, потому что эта встреча с полицейными была в моей жизни далеко не единственной.

Сканировав штрих-код с моего запястья, эти ребята обрадовались мне как родной.

– Ну что? Полетели домой или в участок, госпожа Мерль?

– В участок! – мигом отозвалась я, стаскивая с себя шлем. – И я не госпожа Мерль.

На меня посмотрели, как на полоумную. Демонстрация планшета повергла меня в ужас, потому что на экране действительно было указано, что я Веролика Мерль. Все уже куда хуже, чем я предполагала. Гораздо хуже, потому что отец официально признал меня своей дочерью. Спустя двадцать лет признал.

– Может, все-таки в участок? – взглянула я на полицейного с мольбой.

Мне не ответили, но по глазам было видно, что участок – это последнее, куда меня повезут. С составления протокола столько не заработаешь, сколько мой отец готов платить за молчание. А он всегда платит, потому что шума ему не нужна. Тем более теперь.

К особняку Мерль мы подъехали через десяток минут. Выходить из летного авто не хотелось совершенно. Если бы не решетка, разделяющая машину на две части, я бы, быть может, попыталась ее угнать, но мне не дали и шанса. Вытащив меня с заднего сиденья, полицейный отправился к крыльцу. Я уже заранее готовилась к худшему.

Маленький шанс на то, что к дверям никто не подойдет, быстро рассыпался в прах.

– Добрый день, эта девушка здесь живет? – поинтересовался полицейный, с должным почтением дернув спрятавшуюся меня к себе.

Представать перед отцом в наручниках мне было не впервой, так что в его серебряные глаза я взглянула без страха. А он был в бешенстве. Нет, это никак не проявлялось внешне – имситы вообще были скупы на какие-либо эмоции, но в миг, когда их охватывала злость, их глаза начинали светиться ярче. Сейчас они прямо-таки полыхали.

– Это одна из моих служанок, – соврал имсит привычно, видимо еще не подозревая, что моя фамилия в общей системе уже изменена. – Что опять она натворила?

– Написала несмыслимой краской “Свободу людям” на здании военного министерства. Это уже второй случай за неделю, а за месяц... – начал было мужчина перечислять мои заслуги, попутно снимая с меня наручники.

Одним уверенным шагом отец вышел из дома. Прихватив полицейного за плечо, имсит отвел его в сторону. Хрустящие купюры шелестели, собираясь в весомую стопку.

Сложив руки на груди, я привалилась к стене в ожидании бури. Могла бы запросто сбежать вот прямо сейчас, но правда в том, что отец меня быстро догонит. Люди уступали имситам и в силе, и в ловкости, и в скорости, и по ряду других параметров. Мы с ними и рядом не стояли, но все-таки нам приходилось уживаться в мире, где всем заправляли они.

Правда, другим повезло гораздо больше. Они не жили с имситом под одной крышей и не были вынуждены ему беспрекословно подчиняться.

– И мот мой верните! – выкрикнула я собирающемуся уйти полицейному.

– Войди в дом, – процедил вернувшийся отец.

В особняк я входила с неохотой. Прекрасно знала, что, как только дверь закроется, не будет этой показной вежливости.

– Между прочим, никто не поверил в то, что я ваша служанка, господин Мерль. – не удержалась я от замечания. – Не подскажите, почему в общей системе вдруг изменилась моя фамилия?

– Замолчи, – приказали мне, не собираясь отвечать на мой вопрос. – Немедленно отправляйся в свою комнату. Ты наказана.

– На сколько дней? – спросила привычно.

– До конца своей жизни! – вдруг повысил имсит свой голос, что было удивительно. – Ифон на стол.

Вытащив старенький ифон из кармана, я спокойно положила его на стол. Он достался мне по наследству от мачехи и уже давно беспрестанно глючил.

– И второй тоже! – добавил отец, которого своим отцом я, по сути, и не считала.

Потому что он меня своей дочерью никогда не считал, а мое существование не то что игнорировал, а гораздо хуже.

– Но это мой ифон! Я купила его себе сама!

– За мои деньги, – упрекнули меня, проигнорировав и мое негодование тоже.

Достав из заднего кармана штанов второй компактный ифон, я с неконтролируемой злостью бросила его на пол. А потом еще и потопталась, измельчая до крошки.

– Довольны, господин Мерль?

– Не доволен, – отчеканил мужчина, усаживаясь на светлый кожаный диван в гостиной. – Убери это и иди в свою комнату.

Теперь игнорировать училась я. Пройдя мимо остатков ифона, я взобралась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Моя комната была самой маленькой и самой ближайшей. Толкнув дверь, которая не имела замка внутри, но была оснащена им снаружи, я так и застыла.

По ступенькам я слетела гораздо быстрее, чем поднялась.

– С каких пор на моих окнах решетки?!

– Ты наказана, – повторил имсит, словно заведенный. – Только попробуй выйти из дома еще хоть раз.

Психанув, я вернулась к лестнице. Была раздражена, раздосадована и обижена. Да лучше бы я действительно угнала чужую летную машину и скрылась в одном из соседних городов, чем не имела ни шанса вырваться отсюда.

– Завтра ты отправишься на Малли, – вдруг донеслось мне в спину, вынуждая молниеносно обернуться.

– Вы не посмеете упрятать меня в тот колледж! – закричала я, распрощавшись с разумом.

Никто не позволяет себе так разговаривать с имситами, но мне действительно уже было все равно. Я понимала, что означает этот колледж. Что для меня означает изменение фамилии.

– Еще как посмею, – прошипел отец. – Когда тебе введут третий ген...

– Я не хочу быть модифицированной! Я хочу поступить в космическую военную академию! – мой голос звенел от гнева.

– Мне плевать, чего ты хочешь. Ты – моя собственность. Ты полетишь в этот колледж, ты получишь третий ген и выйдешь замуж за того, за кого скажу я, – поднялся мужчина на ноги. – И приоденешься к ужину. Сегодня ты ужинаешь с нами.

– Ненавижу вас! – Слезы стояли в глазах стеклом, но я не дала им волю.

– Мне плевать.

Бессильная ярость, всепоглощающая ненависть – они бились в моей груди вместе с сердцем. Я ненавидела этого имсита, ненавидела его семью и этот проклятый дом. В нем я с самого детства чувствовала себя заложницей, пятой ногой у собаки, той, за чье появление на свет всем вокруг было стыдно.

С силой, на какую только была способна, я захлопнула дверь своей комнаты. Как была – обутая, одетая, – так и рухнула на кровать, что в тот же миг неприятно скрипнула. Эта кровать, как и ифон, досталась мне по наследству, но уже не от мачехи, а от младшего брата, которого и братом-то никогда назвать не могла.

Никого из них я никогда не могла назвать своей семьей. Няня строго запрещала мне называть отца отцом, а братьев братьями. Именно няня стала моим единственным близким человеком в этом доме, потому что мама умерла при родах, а другим я попросту была не нужна.

Совсем не нужна.

Каждый раз, когда в этом доме появлялись гости, меня представляли дочкой служанки. Я никогда не присутствовала на общих завтраках, обедах или ужинах. Меня никогда не приглашали на праздники. Мне даже из дома выходить было запрещено до определенного возраста, но раньше я тоже сбегала через окно. Сначала во двор – немного посидеть в саду, пока никто не видит, – а потом и в город к друзьям, которыми несмотря ни на что сумела обзавестись.

Однако в связи со сменой власти в Верграйзе военных в столице стало значительно больше. Все последние акции протеста полицейеры успешно разгоняли, а мы с друзьями так или иначе попадали под их всевидящее око. Но продолжали свое дело, поддерживая тех людей, которые не хотели, чтобы Землей правили веркомандиры.

Я тоже не хотела, потому что все пять веркомандиров являлись имситами. Фактически мы поменяли шило на мыло. Вместо одного верглавнокомандующего правителей стало пять, и к ним прибавился совет из людей, который не смог продовать ни единой поправки, ни единого закона.

Стащив с тумбочки сумку, чтобы взять мамин кулон, я обратила внимание на упавшую на пол брошюру. Эти брошюры попадались мне на глаза все чаще. Если бы не мачеха, отец даже никогда не узнал бы о том, что на Малли существует колледж для трудной молодежи. Это мачеха рассказала ему, притащив в особняк целую стопку листовок.

В брошюре обещали поистине райское место и полное перевоспитание для того, кто попадет в колледж. Изображение красивого дома, цветущего сада и лопаты абсолютно не вдохновляло. Я понимала, что это та же самая тюрьма – для меня ничего не изменится, но, кроме того, меня еще и попытаются сломать.

Да как вообще можно перевоспитать взрослого человека? А я себя в свои двадцать считала взрослой.

Неимоверно злилась на отца, на всю ситуацию, в которой оказалась, но не знала, что могла придумать. У меня никогда не было своих денег. Мне не разрешали работать, но при этом и наличными не баловали. Даже мот, хоть и был подарен мне на двадцатый день рождения, зарегистрирован все равно был на младшего брата. Потому что это был его старый мот и, когда ему подарили новый, эта роскошь досталась мне.

Ни своей крыши над головой, ни какого-либо образования, ни работы. Для отца я всегда являлась всего лишь собственностью, своевременным вложением, которым он собирался

удачно распорядиться. И то его желание вершить мою судьбу возникло лишь в последние пять лет, когда он понял, что и я могу ему пригодиться.

Влияние имситов на Земле несколько лет назад упало в связи с тем, что поменялось управление. Федерация выкупила все большие предприятия, оставив имситам жалкие пятнадцать процентов вместо шестидесяти-семидесяти в прошлом, что, естественно, сказалось на доходах высших семей.

Пятнадцать процентов здесь, еще пятнадцать на Касио, второй планете Тримиды – объединения трех планет. Потеряв власть, имситы искали любые способы эту власть вернуть, стать сильнее. Самый простой вариант – объединиться с другими высшими семьями, но правда в том, что десятилетиями на свет у имситов появлялись только мальчики, которым и передавался ген второго поколения, а значит, об объединении речи не шло.

Моему отцу повезло: у него родилась я, но мое появление на свет он скрывал. Потому что человек в семье – это слабость. И эту самую слабость сейчас он желал превратить в силу. У него нашлось преимущество над всеми другими семьями, но было несколько проблем, с которыми ему еще предстояло разобраться.

Первая и самая серьезная – мой характер. Если он думал, что я вдруг стану повиноваться ему, то очень сильно прогадал. Даже тот факт, что он признал меня своим ребенком юридически, лично для меня ничего не менял. Но у него была надежда на колледж для трудных подростков.

Вторая проблема – я была человеком. Всего лишь слабым человеком, который не мог сравниться с имситами ни в уме, ни в силе, ни в скорости, ни по другим параметрам. Исправить это недоразумение могла сыворотка – разработка частной лаборатории. Эта сыворотка на определенное время наделяла простого человека всеми преимуществами имситов, изменяя ДНК, но имелось одно веское но.

Да, я была человеком, но человеком, рожденным от имсита. Несколько лет назад научно было доказано, что ген второго поколения, который передавался только по мужской линии, точно так же имелся и у девочек, рождения которых сверхлюди не допускали.

Выяснили этот факт совершенно случайно, когда сразу двум девушкам, рожденным от модифицированных, вкололи сыворотку. Ген второго поколения, что являлся спящим, не только активировался, но и смешался с геном третьего поколения, явив миру новых модифицированных – улучшенных, с активной репродуктивной функцией, с эмоциями, которые не угасали под влиянием измененной ДНК. Только эффект для них не был временным.

Я не желала становиться модифицированной. Ни за что и никогда я не хотела бы превратиться в монстра, но кто бы меня спрашивал?

Третья проблема отца заключалась во времени. До моего второго совершеннолетия оставалось всего два месяца, и за этот срок отец должен был успеть не только изменить мою ДНК, но и выдать меня замуж, потому что в день моего рождения его власть надо мной закончится. Юридически я стану полностью взрослым человеком, который волен распоряжаться своей жизнью так, как захочет.

Выдав же вовремя меня замуж, он объединится с какой-нибудь семьей, а значит, увеличит свои активы, увеличит влияние семьи. Да, у него было целых три проблемы на пути к его целям, и ровно столько же проблем было у меня.

Я не хотела в закрытый колледж, где из меня попытаются воспитать податливую и на все согласную дочь. Я не хотела становиться модифицированной, монстром в человеческом обличье. И я ни за что не хотела замуж за модифицированного, потому что это не свобода. Это еще одна тюрьма под надзором нового имсита, где у меня не будет ни прав, ни голоса.

Я не хотела всего этого, и вариант был только один – бежать.

– Да вставай ты, лентяйка! Вставай, кому говорю! – больно дернули меня за плечо, вырывая из подбоя сна.

Бесцельно провалявшись на кровати несколько часов, я все-таки задремала, а теперь имела неудовольствие выслушивать гадости от мачехи. Худая как палка женщина с каштановыми волосами стояла над моей кроватью, уперев костлявые руки в не менее костлявые бока.

– Живо поднимайся! До ужина мало времени.

– Я не хочу есть, – ответила, все еще не отойдя от полусонного состояния.

– Ну и не ешь, но на ужине присутствовать обязана. У нас сегодня важные гости. И только попробуй что-нибудь выкинуть, ты меня поняла?

– Что за повод пустить меня за общий стол? Жених свататься придет? – усмехнулась я, усаживаясь и спуская ноги на пол.

По тишине, что стала мне ответом, я с ужасом поняла, что невольно попала в точку. Расширившимися от злости глазами прицельно испепеляла мачеху, но та не поддавалась. Знала, что стоит пожаловаться отцу, как она получит от меня все, что хочет, – так или иначе.

– Вы не посмеете выдать меня замуж. Я опротестую все в суде!

– Да кто тебя пустит в тот суд? – Эстера скривила тонкие губы в подобии усмешки. – Живо в ванну. От тебя невесть чем воняет.

Лично я не хотела ни мыться, ни переодеваться в дурацкое платье, которое из своих старых запасов принесла мне женщина, ни спускаться к первому в своей жизни семейному ужину, но этот метеор было не остановить. Если бы я заупрямилась, попало бы в первую очередь служанкам, а девчонкам и так не сахарно жилось. Взять хотя бы то, что им приходилось мыть взрослого человека, в то время как работы по дому у них и без того было хоть отбавляй.

Платье и вправду было дурацким. Длинное, вечернего кроя, из тонкой синей ткани с V-образным вырезом на груди и глубоким на спине. Оно мне совершенно не шло, как и любые другие платья, но, кроме того, еще и возраста прибавляло. Я разом будто лет на десять постарела. А может быть, этому поспособствовал толстый слой макияжа и миллион кудрей из моих бедных волос.

– Пошевеливайся! – грозно окликнула меня Эстера. – Мы должны встретить гостей все вместе. Ох, мальчишки! Какие вы сегодня красавцы.

– Не надо, мама.

Последние два восклицания адресовались моим младшим братьям, оказавшимся в коридоре в самое подходящее время. И если я полностью и безоговорочно походила на свою мать, то эти двое целиком пошли в нашего отца. Те же черты лица, те же темные волосы, отливающие серебром глаза и полное отсутствие эмоций. Они держались так, будто им было не семнадцать и тринадцать, а все сорок лет. Они даже поведение отца копировали, ни во что не ставя собственную мать.

– Веролика! – отрывалась мачеха, подгоняя меня все интенсивнее.

В тот самый миг, когда я спускалась на пыточных колодках по ступенькам лестницы, на подъездной дорожке, что просматривалась через большие широкие окна, появилось черное летное авто. Под светом фонарей из машины вышли два имсита, упакованные в дорогие деловые костюмы. Этот предмет гардероба был нежно любим всеми модифицированными. Иногда мне казалось, что в своих костюмах они даже спят.

Я не знала, куда себя деть. Под придавливающим к полу взглядом отца стояла посреди гостиной вместе с мачехой и братьями и не понимала, что нужно делать. Раньше меня никто не приглашал на семейные ужины, да еще и в присутствии гостей. Я всегда ела у себя и о хороших манерах давно забыла.

Отпустив слуг, господин Мерль сам открыл дверь вечерним визитерам.

– Как добрались? Надеюсь, полет прошел без эксцессов? – поинтересовался отец, пожимая мужчинам руки.

Один из них был примерно одного возраста с ним, а другой едва ли старше меня. Посмотрев на всех нас как на пустое место, оба гостя вновь вернули все свое внимание хозяину дома.

– Все отлично. Мы пользовались личным космолетом, – скупое ответил, видимо, отец моего будущего жениха.

– Я рад. Позвольте представить вам моих сыновей: Эркстар и младший ШарлиАт.

Мальчишки одновременно сделали шаг вперед. Представление вышло коротким, но им хотя бы выразили должное уважение, назвав имена и имя рода. Конечно! Ведь в отличие от нас с мачехой они являлись имситами.

– А это моя супруга Эстера и дочь Веролика. Они проводят вас к столу.

Собственно, мы и толики внимания не были удостоены. Об элементарной вежливости по отношению к людям модифицированные совершенно точно не слышали.

И об уважении тоже.

Весь вечер представители семьи Фарль смотрели на меня как на зверюшку в зоопарке – оценивающе и с огромным превосходством во взгляде. Холодные, надменные, высокомерные. Мои младшие братья вели себя за столом точно так же, копируя поведение отца и гостей. Не понимала, что я в принципе здесь забыла, если мы с мачехой все равно что пустое место. Обо мне разговаривали так, будто меня здесь вообще не было.

– Я думал, вы передадите нам все предприятия, – с неудовольствием заметил господин Фарль-старший.

– Все, но только на Земле. Сами понимаете, я не могу оставить сыновей без наследства. Однако я хотел бы внести в договор еще один пункт. Объединив наши предприятия, мы увеличим нашу прибыль, и эта прибыль тоже будет оставаться в моей семье.

– Господин Мерль, так дела не делаются. Что в таком случае получим мы?

– Поддержку нашей семьи в любых вопросах, увеличенную прибыль, часть предприятий на Земле и мою дочь, чьи дети со стопроцентной гарантией будут модифицированными вне зависимости от пола. Мне кажется, это немало в сложившихся обстоятельствах. Если вы не согласны, мы найдем другого кандидата.

– Не думаю, что вам стоит торопиться. Условия не так хороши, как мы рассчитывали, но лучше, чем могли бы быть. Внесите измененные пункты в брачный договор и пришлите для ознакомления моему юристу. Подписание не займет много времени. Однако нам уже сейчас стоит начать готовиться к свадьбе. Когда вашей дочери введут сыворотку?

– Наша очередь подойдет через два месяца.

– Я не... – хотела было возмутиться я, сказав, что никогда не позволю вколоть себе сыворотку, но мачеха пнула меня под столом.

А я взяла и мстительно пнула ее в ответ!

Даже не взглянув на нашу возню, господин Фарль-старший продолжил:

– Значит, на подготовку к свадьбе у нас два месяца. Надеюсь, вы согласны, что торжество не должно быть ни тайным, ни скромным?

– Излишняя скромность нам ни к чему. Утром я вышлю брачный договор.

Я с трудом дождалась окончания ужина. Под их неспешные безэмоциональные беседы, будто они обсуждали кильку в консервной банке, я разгоралась все сильнее. В тот миг, когда гости наконец-то покинули особняк, мое терпение лопнуло.

– Я не стану модифицированной! – воскликнула я, обращаясь к отцу.

Мальчишки поднялись наверх переодеваться и спать, Эстера пошла гонять служанок, чтобы убрали со стола, а я отправилась вслед за имситом в гостиную. Не знаю, чего я ждала. Понимала: спорить с ним бесполезно, но обида и негодование не давали мне промолчать. Меня использовали, использовали как вещь – в открытую, намереваясь улучшить свое положение за мой счет. Но почему я?

Да меня всю мою жизнь приравнивали в этом доме к зверушке, что должна сидеть на цепи!

– Еще как станешь! – произнес отец абсолютно спокойно, но его глаза сверкнули в полутьме. Сократив расстояние между нами, он вдруг позволил себе схватить меня за шею и поднять над полом. В его руки я вцепилась как в последний раз. – И замуж выйдешь, и сыворотку получишь. Ты сделаешь все, что я прикажу, поняла? А иначе я выброшу тебя на улицу.

– Так выброси! – прохрипела я и почувствовала, как пальцы на шее сжимаются сильнее.

Воздуха не хватало, пульс стучал в ушах, в глазах потемнело. Я открывала и закрывала рот, словно рыба, выброшенная на берег. Никогда я не боялась отца, не испытывала священного ужаса перед ним, какой испытывали перед модифицированными другие люди. А теперь, похоже, и во мне разыгрался этот страх. Сознание медленно покидало меня, а лучше бы я и вовсе умерла.

Но нет.

Проснулась я рано утром от стакана ледяной воды, вылитого мне на голову.

– Собирайся. Через три часа космолет, – счастливо проскрипела мачеха, бросая посреди моей комнаты чемодан и ворох своих платьев.

Она была рада наконец-то избавиться от меня. А я после вчерашнего была рада избавиться от них всех.

Оставалась всего одна загадка: как мне сбежать с космолета?

Глава 2

Побег – дело хитрое

До пусковой арены, что находилась на втором уровне столицы на окраине, мы добрались на двух летных авто. В одном перемещался господин Мерль со своими сыновьями, а второе, чуть попроще, служило транспортным средством его жене, а сегодня и мне.

Я представляла свое появление на пусковой арене совершенно по-другому. Должна была войти не в левые ворота, а в правые. Там пусковая площадка служила точкой отправления для военных космолетов, и именно оттуда на Касио улетали новобранцы для космической военной академии. Через два месяца я хотела стать одной из тех, кто удостоится чести служить Федерации. И пока от своей мечты не отказывалась несмотря ни на что.

Во-первых, потому, что пять лет назад обучение в академии стало бесплатным. Во-вторых, потому, что брали туда только по достижении второго совершеннолетия – когда исполнялся двадцать один год. А в-третьих, потому, что знала себя. Кто бы что ни говорил, я была упрямой и упертой и к своим целям шла точно так же, как и отец, – напролом.

Я готовилась с детства. Изучала все о космолетах, военной иерархии, законах, космосе и других расах. Таскала все книжки у мальчишек, которым их охотно покупали, и читала ночи напролет, постепенно переходя к более тяжелой литературе. Могла бы запросто с закрытыми глазами разобрать стандартный космический корабль на автоматическом управлении, что ходил лишь по одной траектории. Могла бы абсолютно спокойно починить артиллерийский корабль класса “Малыш” и управлять им, обстреливая пиратов. Могла бы встать за штурвал “Алмаза” – поднять его в воздух, совершить полет и посадить, но...

Все мои знания были только теоретическими.

Проскочив через левые ворота, летное авто остановилось. Чуть дальше у пусковой арены, что представляла собой плоский восьмигранник со сдерживающими клешнями, толпился народ, окруженный чемоданами, коробками и сумками. На Малли, третью планету Тримиды, насколько мне было известно, частный космолет отправлялся только один раз в месяц, и этот полет был совсем не туристическим. На данный момент на корабль затаскивали груз – огромное количество ящиков непрерывно подвозили к мостику. Затем на судно должны были ступить пассажиры, которые в основном отправлялись на третью планету навсегда.

Многие хотели сбежать с Земли и получить шанс на новую жизнь. Только удавалось это далеко не каждому. И не потому, что билет стоил дорого – я знала, большинство из этих людей отправляется бесплатно по программе переселения, – а потому, что брали туда лишь тех, кто может и готов работать, приносить пользу планете и ее жителям. В том числе коренным, о которых ходило множество нелепых слухов.

– Веролика, поторопись, – подгоняла меня мачеха.

Вытащив тяжеленный чемодан, она всучила его мне, в то время как отец уверенным шагом направлялся напрямик к мостику космолета. Поймав члена команды, он что-то размеренно ему говорил, вручая нехилую стопку купюр. Действо это происходило скрытно от других, но нам с мачехой все было прекрасно видно.

– Что, не терпится от меня избавиться? – проговорила я вслух.

– Не говори ерунды. Через два месяца ты вернешься. И я надеюсь, что вернешься поумневшей. Брак с модифицированным – шанс и для тебя достойно прожить эту жизнь.

– Вот как? Вы действительно считаете, что проживаете свою жизнь достойно? Что достойного вы сделали в своей жизни? Защитили свой дом? Накормили голодных сирот? Отстояли права людей?

– Не смей говорить со мной в таком тоне! – взбеленилась мачеха.

– А иначе что? Отправите меня в закрытый колледж для трудной молодежи? Так вы уже. Дернув чемодан, я отправилась к мостику сквозь цветную толпу, не дожидаясь Эстеры. Но вот так просто подняться на борт корабля мне не дали. Тот самый мужчина, которому имсит всучил стопку хрустящих купюр, остановил меня и забрал мой чемодан.

– Веролика Мерль? – уточнил он, пока я оборачивалась, чтобы взглянуть на свою “семью” в последний раз.

Очень сильно надеялась, что больше никогда их не увижу.

– Нет, – ответила я чисто из вредности.

– Смешная шутка, – произнес мужчина, утаскивая мой чемодан все глубже. – Идите за мной.

На космолет я взошла покорно. Ощущала и трепет, и волнение. Стоило лицам семейства Мерль скрыться из виду, как я тут же забыла о них, как о досадном недоразумении. Меня охватывал настоящий восторг. Сердце трепетало в груди, отдаваясь в животе щекоткой предложения.

Я впервые попала на настоящий космолет первого класса, а потому жадно осматривала каждый угол, все, что попадалось нам по пути. Вот бы хоть одним глазком заглянуть на мостик веркомандира. Все-таки картинки, пусть даже объемные, не давали полного представления о том, как все происходит по-настоящему.

– А можно я тут немного погуляю? – спросила, а сама задирала голову, чтобы понять, что сейчас происходит на втором и третьем уровне корабля.

– Не положено. Сейчас вы займете свою каюту, и до взлета вам оттуда выходить запрещено.

– Кем запрещено? – нахмурилась, чуть не врезавшись в шест, по которому команда быстро спускалась на первый уровень.

– Мной, – отрезал мужчина, поднимаясь по лестнице.

– А экскурсию после взлета не проведете? У вас ведь наверняка здесь есть что-нибудь интересное.

– Займите свою каюту, – настойчиво повторили мне, открывая сначала шлюз коридора, а потом и дверь, что вела в одноместную скромную комнату. – Это ваша ключ-карта. Не потеряйте.

Вложив мне в руку белый пластик, мой сопровождающий и не думал меня покидать. Ждал, пока я войду в каюту и заташу за собой чемодан. Наверняка на моем лице сейчас было отчетливо видно все мое неудовольствие от нового заключения, но спорить и качать права я не стала.

Вот дождусь, когда он уйдет, а потом устрою себе полноценную экскурсию.

Дверь закрылась, отрезая меня от общего коридора. Сев на узкую кровать, закрепленную на стене, я разгладила ладонями простое белое постельное белье. Кайота была настолько узкой, что сюда помещались лишь эта твердая кушетка, пробник стола, железный стул, вкрученный в пол, и узкий шкаф, в который даже мой чемодан не поместится. Прекрасно знала, что на космолете имелись и более комфортные каюты, но родитель, видимо, решил на мне сэкономить. Хоть бы я больше никогда с ним не встретилаь.

Я абсолютно не жалела о том, что покидаю Землю. Мне не за что здесь было держаться: у меня не имелось хороших воспоминаний, не имелось друзей, которые встали бы за меня горой, не имелось ничего, что могло бы удержать меня от побега. Старая няня давно уволилась и нашла себе место спокойнее и прибыльнее, так что даже ей я была не нужна.

Единственное, что мне все же жаль было оставлять, – это подаренный мне мот. Если бы мне разрешили, я бы обязательно взяла его с собой, но отец был неумолим. Мне даже не разрешили взять вещи, в которых я чувствовала бы себя комфортно. На мне было короткое красное летнее платье – выбор мачехи, в чемодане же этих платьев имелся целый ворох.

Но кое-что служанки все же спрятали среди бесполезных тряпок, несмотря на страх быть застигнутыми Эстерой: мои ботинки, удобные штаны, футболку и кожаную куртку. Эти вещи я купила сама, как и новый ифон, безжалостно заложив в ломбард подаренный отцом кулон на цепочке. Этот кулон он подарил мне в тот день, когда впервые заговорил о моем замужестве и получил мое первое категоричное «нет».

Сердце стучало словно сумасшедшее, когда космолет взлетал. Казалось, что тряслось все вокруг, вибрировало, и эта вибрация проходила даже через меня. Сейчас, в этот самый миг, откреплялись клешни, позволяя кораблю воспарить над ними. В таком положении судно должно было подняться на определенную высоту. Эта высота зависела от класса космолета и его размеров.

Когда необходимая высота достигалась, нижние двигатели отключались, а задние синхронно включались. В этот же момент активировалось гравитационное поле, позволяющее тем, кто внутри, не воспарить в невесомости и не попадать при изменении наклона. Корабль же с этого мгновения мог лететь хоть задом наперед, хоть носом перпендикулярно Земле.

Раскрыв чемодан, я отыскиала в нем свои вещи. В мешочек к ботинкам переложила куртку, футболку и штаны. Это единственное, что мне было по-настоящему нужно кроме документов, так что из каюты я выбиралась налегке.

Не собиралась мириться со своей судьбой. Будь на моем месте кто-то другой, у него не осталось бы выбора, кроме как прибыть на Малли, но у меня решение моей проблемы имелось. Странное, взбалмошное, необдуманное решение, но лучше так, чем покорно ждать своей участи.

Я собиралась выкрасть артиллерийский корабль “Малыш” и добраться на нем до Касио. Там у семейства Мерль имелся дом, где бы я могла скрыться на некоторое время. В идеале – до своего совершеннолетия, чтобы сразу поступить в космическую военную академию. Тут подождать-то осталось всего два месяца с небольшим.

Осторожно выглянув из каюты, я ступила в пустой коридор. Создавалось стойкое ощущение, что в этом крыле каюту занимала только я, тогда как все остальные пассажиры были размещены где-то в другом месте.

Подкравшись к автоматической двери, вдохнула, выдохнула и приложила к замку выданную мне ключ-карту. Три, два, один...

Но шлюз открываться не пожелал. Более того, экран замка сверкнул красным, оповещая меня о том, что доступ для меня закрыт.

– Да чтоб вам месяц одной крупой питаться! – выругалась я, поминая недобрым словом не только отца, но и того мужчину, который привел меня сюда.

Если бы у меня были инструменты, я бы могла незаметно разобрать замок и открыть его вручную, но голыми руками я его просто сломаю, и это обязательно кто-то заметит.

Возвращаться обратно в каюту не хотелось, но что еще я могла сделать? Только подождать, пока кто-нибудь с действующей ключ-картой заявится сюда.

Не успела я закрыть дверь каюты, как за моей спиной раздался характерный звук, с которым открывался межкоридорный шлюз. Обрадовавшись, из каюты я вышла в тот самый момент, когда глухие шаги стали ближе. Вышла и сразу налетела, судя по одежде, на одного из пассажиров, без зазрения совести залезая пальцами в карманы его болотного цвета куртки.

Ловкость рук, и вот уже к одной ключ-карте прибавилась вторая – золотая, позволяющая свободно передвигаться по космолету.

– Смотрите, куда идете! – огрызнулась я, изображая крайнюю степень неудовольствия от этой встречи.

Подняв глаза выше чужой груди, встретила взглядом с черными солнцезащитными очками и блондинистой шевелюрой. Ни одна черточка на лице мужчины не дернулась. Так и

не дождавшись ответа, я хмыкнула и обошла его по дуге, удивляясь тому, какой он высокий и коренастый. Как скала, честное слово.

– Вы считаете, что это я должен смотреть? – раздалось размеренное мне в спину, а у меня по коже отчего-то пробежали мурашки, оповещающие об опасности.

– Ну не я же! – произнесла, оборачиваясь, одновременно прикладывая к замку чужую ключ-карту, прикрытую моей.

И вот лучше бы я не оборачивалась.

Сняв солнцезащитные очки, безэмоциональным взглядом на меня смотрел незнакомый имсит. Серебро его глаз тихо тлело, что хотя бы давало мне надежду на дальнейшую жизнь.

Наверное.

Я испугалась. Всего на миг, но я испытала страх перед неизвестностью. Это отцу я могла нагрубить и остаться в живых до тех пор, пока нужна ему, но у всего имелись границы. Вчера мне это отчетливо продемонстрировали. Продемонстрировали настолько, что синяк на шее сегодня пришлось замазывать косметикой.

Извиняться было поздно. Идти на попятную тоже. Сделав шаг в коридор, я так и продолжала смотреть на него, ему в глаза, совсем позабыв о том, что делать это строжайше запрещено. Модифицированные могли принять это за вызов и напасть.

Мужчина провожал меня странным пытливым взглядом. Крылья его носа хищно дернулись, прежде чем чертов шлюз все же вернулся на место. Я едва на пол не стекла, испытав невероятное облегчение. Даже не подозревала, насколько была напряжена всего несколько секунд назад. Имситы всегда источали эту мощь, эту силу, ауру, которая буквально придавливала к Земле.

Видимо, за годы проживания с отцом иммунитет у меня все же не выработался.

Сделав желанный вдох, я и вовсе закашлялась. Не представляла, что сделают со мной за кражу у модифицированного, но отступить уже было поздно. Осталось всего ничего – добраться до одного из “Малышей” и молиться, чтобы украденная ключ-карта позволила в него забраться. А иначе все это было бесполезно.

Я не стала задерживаться в коридоре и дальше. Миновав еще два отсека, вышла на общую палубу на втором уровне. Здесь уже было заметно, что на космолете есть пассажиры: они делали фото на фоне внутреннего убранства корабля, расползшись по всей палубе и даже за ее пределами. Один смельчак и вовсе спускался на шесте, предназначенном исключительно для пользования командой корабля. Однако замечаний ему не делали.

“Малышей” у таких больших кораблей всегда было несколько. В зависимости от класса и предназначения, их количество варьировалось. Если память мне не изменяла, мы летели на одном из кораблей первого класса, что приравнивался к военным, а значит, артиллерийские корабли были расположены по всему его периметру. Как минимум несколько я могла найти прямо на втором уровне, но тут было слишком много свидетелей.

Спускаться на первый уровень тоже не вариант. Там должно быть народу не меньше, чем на третьем. Но если на первом уровне мне как пассажиру действительно делать было нечего, то на третьем со стопроцентной вероятностью располагался медицинский отсек, а это уже весома причина, чтобы подняться туда, если, например, я себя плохо чувствую.

Может, у меня вообще боязнь гиперпространственных прыжков? А нам предстояло сделать два таких – от Земли до Касию и от Касию до Малли. Общее время полета составляло около семи часов.

Я не пошла сразу на третий уровень. Вместо этого отправилась в столовую, которая находилась здесь же. Меня смутили члены команды, которые то и дело появлялись на верхней палубе, а еще я хотела обеспечить себе алиби. Рассматривала внутреннюю железную обшивку, рассматривала различные датчики, что были прикреплены к потолкам, но на самом деле искала камеры. Только или спрятаны они были слишком хорошо, или их здесь и вовсе не было.

Столовая оказалась забита битком, что тоже было мне на руку. Собрав себе на поднос закрытые контейнеры с едой, я абсолютно не краснела перед персоналом на раздаче. Обед входил в стоимость билета, но не было указано, что взять можно определенное количество блюд, так что набрала я от всей своей широкой души – сколько поместилось в наплечный мешок. Мне же надо чем-то питаться в пустом доме?

– Извините, а вы не подскажете? – обратилась я к дородной даме в белом накрахмаленном переднике. – У меня голова разболелась. Есть ли на корабле медик?

– Вам необходимо подняться на третий этаж и свернуть направо в первый коридор. Медицинский отсек расположен там, – ответили мне с мягкой улыбкой.

Поблагодарив женщину за столь ценные сведения, я медленно вышла на палубу, осматривая третий уровень. Членов команды там поубавилось, так что наверх по железной лестнице я поднималась спокойнее. Главное – вести себя уверенно, будто я стремлюсь к своей цели и знаю, куда иду.

– Девушка, вам сюда нельзя, – окликнули меня, едва я ступила на палубу третьего уровня.

Сердце нервно дернулось, но я не позволила и тени сомнений проступить на своем лице.

– Меня отправили сюда из столовой, – проговорила с легким недовольством и раздражением. – У меня после взлета сильно разболелась голова. Это мой первый полет. Мне сказали, что медика я могу найти именно здесь.

– Тогда вам нужно повернуть направо и войти в первый коридор. Вызвать медика вы сможете через громкоговоритель. Потом дождетесь, когда вам откроют отсек. Но не задерживайтесь здесь. Пассажирам на третьем уровне находиться запрещено.

Скупно кивнув, я последовала рекомендациям. Идти в медицинской отсек не собиралась, но нужно было это сделать, чтобы молодой мужчина в синей военной форме убедился, что я здесь именно с этой целью.

Остановившись перед шлюзом в коридоре, я некоторое время постояла перед сенсорным экраном, делая вид, что пытаюсь понять, на какую кнопку необходимо нажать, чтобы громкоговоритель включился. Никто не пришел мне на помощь ни через пару минут, ни через пять. Отсчитав про себя до десяти, я несмело выглянула на палубу. Которая, к моему облегчению, пустовала!

Это был самый быстрый забег в моей жизни. Обогнув палубу по кругу, я глазами спешно искала отметки над шлюзами, выискивая знаки, что указывали бы на двойные двери, ведущие к “Малышам”. Отыскав такие, с трудом взяла себя в руки.

Если ключ-карта не подойдет... Если...

Приложив золотой магнитный пластик с встроенным в него уникальным кодом, я на несколько секунд словно выпала из собственной жизни. Ожидание угнетало, давило надежду, завязывало все внутренние органы в узел. Когда экран загорелся зеленым, я, должно быть, выдохнула слишком громко, потому что на мгновения меня попросту оглушило от звука собственного голоса.

Первая дверь, вторая – они открывались поочередно и закрывались в противоположном порядке. Приподняв ногу, чтобы переступить через высокий порожек, забраться в артиллерийский корабль я уже не смогла.

Чужая тяжелая рука неожиданно легла на мое плечо и больно дернула назад.

– Я так и знал! – радостно воскликнул молодой парень, встреченный мною всего с десятков минут назад. – Она мне сразу странной показалась!

– Не голоси, – произнес второй, который и дернул меня за плечо, а теперь удерживал, больно впившись в него.

– Эй, я ничего не делала! – состроила я мину оскорбленной невинности. – Я просто хотела посмотреть!

– Ага, посмотреть, – ухмыльнулся этот второй, насильно забирая у меня обе ключ-карты. – А ключ-карту ты где взяла?

– Это же ключ-карта веркомандира! – ошарашенно выдал молодой, глядя на меня с ужасом. Так, словно уже выкопал мне ямку, а заодно и себе по соседству.

– Да она здесь валялась, – сообщила я обиженно и только потом осознала, что он сейчас сказал.

Тот имсит, которого я обокрала в коридоре, являлся веркомандиром этого корабля!

Все. Теперь мне точно нужны ямка, холмик и цветочки. Именно в такой очередности.

Меня не слушали. Через весь третий уровень брыкающуюся меня протащили в кабинет веркомандира этого корабля. Кабинет, к слову, оказался пуст, как и секретарская, но заперли меня именно в кабинете.

Точно заперли: обе двери я проверяла, подергав за ручки, но они тоже открывались с помощью ключ-карты, которую у меня отобрали.

Ожидание было томительным и нервным. Обойдя весь кабинет, я в отчаянии заглянула в каждый ящик стола, но не нашла ничего, что помогло бы мне защитить себя. Ни тяжелой книги, ни напольной вазы. Даже железный стул и тот был прикручен к полу, так что мне оставалось только сидеть. Сидеть и ждать своей участи.

Может, мне повезет и меня высадят на Касио? Неплохой шанс сбежать разбился вдребезги о суровую реальность, но чего я хотела? Это был всего лишь шанс, а не стопроцентная гарантия.

Когда дверь наконец-то открылась, я накрутила себя по самое не могу. Подпрыгивала от каждого уверенного шага мужчины, который прошел мимо меня, словно бы и не заметив. Заняв свое кресло, тот самый блондин из коридора будто в насмешку взялся за бумаги. Они теперь не без моего участия лежали в беспорядке, тонко намекая на то, что я особым воспитанием не отличаюсь.

Рассортировав бумаги в одном ему понятном порядке, имсит отложил их в сторону и все-таки посмотрел на меня. А я так надеялась, что меня не заметят. Даже не шевелилась. И дышала через раз.

Выдержать тяжелый взгляд модифицированного мало кто мог. Люди преимущественно сразу отводили глаза, терялись, старались сжаться, сгорбиться, будто это сделает их незаметнее. По всем канонам я тоже должна была поступить именно так, но поздно проверять обшивку, когда космолет уже взлетел.

Веркомандир смотрел на меня долго и утомительно. Я же смотрела в ответ, тщательно скрывая страх. Да что там страх? Во мне поселился настоящий ужас. Я не знала, что он примет. Я не знала, что меня ждет, но изо всех сил молилась, чтобы меня высадили на Касио. Правда, попадать в тюрьму в мои планы не входило.

– Вам никто не говорил, что нельзя смотреть имситам в глаза? – произнес он неторопливо и даже размеренно.

– Вам никто не говорил, что вам невероятно идет эта форма? – брякнула я и тут же смутилась, но лишь на секунду.

Взяла себя в руки и натянула маску невозмутимости. Ну кто виноват, что он так долго молчал? Я за это время как раз добралась до темно-синей военной формы с золотыми пуговицами и нашивками. Мужчина и правда смотрелся в ней хорошо. Или она на нем.

Правая бровь веркомандира медленно поползла вверх, выражая недоумение, но больше он своих эмоций никак не выразил. Что с них взять? Модифицированные были лишены подвижной мимики. Они вообще не показывали своих чувств, вечно скрываясь за маской отчужденности.

– Зачем вы украли ключ-карту? – задал он следующий вопрос, так и не получив ответ на предыдущий.

- Я не крала, – проговорила с самым честным взглядом. – Она лежала на полу.
- Вы лжете. – Это была констатация факта, но...
- Чем докажете?

Левая бровь медленно встала на уровень правой. Да я сама в шоке! Видимо, от страха во мне разыгралась наглость, расцвела, так сказать, пышным цветком, и остановить ее я была не в силах. Если бы имсит меня сейчас заткнул кляпом, я была бы ему очень благодарна. Даже грамоту выписала бы!

- Вы собирались угнать малыша. – И это тоже был факт.
- Я всего лишь хотела посмотреть.

– Посмотреть боевой артиллерийский корабль? – Его брови окончательно завоевали новое место.

- А что в этом такого? – спросила я обвинительно. – Мне нравится военная техника.
- Вам?

Я прямо-таки видела, как он взглянул на мое короткое красное платье, ничуть не закрывающее колени. Как прошелся взором по туфлям на бесконечно высоком каблуке. Я на них ходила не без усилий, так что взгляд мужчины прекрасно понимала. Не выглядела я как человек, интересующийся космолетами. Но это не означало, что я ими не интересуюсь!

– А что? Девушкам не могут нравиться боевые корабли? У вас есть на этот счет какие-то предрассудки?

- То есть не признаетесь?

Я замолчала, упрямо поджав губы. Все, что я хотела сказать, уже было произнесено. Я же не робот, чтобы повторять заданную программу.

– Отлично, – подвел мужчина неутешительный итог. – До конца полета вы будете находиться здесь под моим присмотром.

- С чего такая радость? – теперь опешила я. Опешила оттого, что меня никак не накажут!
- Или здесь, или тюремный отсек, – поставили мне ультиматум.
- Тюремный отсек, – выбрала я, не думая ни секунды.
- Вы серьезно? – Нет, все-таки его брови прилипли.

– Более чем, – хорохорилась я, гордо приподняв голову. – У меня нет желания лицеизреть вашу физиономию дольше необходимого.

И вот тут я поняла, что меня сейчас будут убивать.

Он поднялся резко. Настолько резко, что и стул, и стол, прикрученные к полу, заскрежатали, норовя рассыпаться. Я даже не сжалась, в диком ужасе наблюдая за тем, как мужчина преодолевает расстояние между нами в три шага. С такой скоростью преодолевает, что картинка смазывается: мое зрение за ним просто не поспевало.

Имсит ударил. Не меня, слава богу, а по экрану, что отвечал за открытие двери. От его кулака монитор с хрустом смялся, вынуждая меня подпрыгнуть на стуле, но дверь все-таки открылась.

– Бросьте ее в тюремный отсек, – он произнес это абсолютно спокойно, но в его голосе однозначно звенела сталь.

Модифицированный точно желал меня разорвать, но каким-то чудом еще сдерживался.

Никто не посмел войти в его кабинет. После секунд промедления, что показались мне вечностью, я сама вылетела в секретарскую, понимая, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Этот взгляд, пылающий серебром, словно два светильника, я не хотела бы увидеть больше никогда.

И другие не хотели. Замерев в нерешительности на пороге, они не смотрели на него, отводя глаза. Пришлось брать дело в свои руки и буквально тащить по коридору своих конвоиров.

– Скорее! Скорее! Да шевелите вы лапами! – торопила я мужчин. – Если повезет, мы успеем спрятаться в тюремном отсеке до того, как он озверееет! Там защита надежная?

– Толщина стали не меньше метра! – ответил мне молодой. – Но она нам не поможет!

– А что поможет?

– Инъекция успокоительного, что находится у него на запястье, – затормозил широкоплечий уже на первом уровне. – Кому-то из нас надо вернуться.

– Вот вы и возвращайтесь! – воскликнула я, выхватывая из его рук ключ-карту желтого цвета и прикладывая ее к экрану. – А я, пожалуй, в тюрьме отсижусь.

Ключ-карту, как ни странно, у меня никто не отобрал. Вместе с ней я проскользнула через все коридоры до тюремного отсека и самолично под удивленным взглядом дежурившего охранника вошла в свободную камеру. Честно говоря, они все были свободны, но я выбрала самую дальнюю.

От греха подальше.

В этой камере я провела весь оставшийся полет. При наличии ключ-карты могла бы снова попробовать свистнуть “Малыша”, но при всем своем безрассудстве и помутнении самоубийцей не была. Верила, еще немного – и меня бы просто убили, разорвали голыми руками за мой острый язык и полное отсутствие мозгов и инстинкта самосохранения.

Одноместная камера представляла собой подобие каюты. К стене точно так же была прикреплена узкая койка, на этот раз ничем не застеленная. В закутке подальше от стеклянной стены имелось что-то вроде унитаза – очень неудобное и миниатюрное. На этом экскурсия по камере заканчивалась.

Ан нет! Еще здесь не было освещения, так что есть мне приходилось исключительно на ощупь.

На самом деле отсутствие удобств и света было очень даже оправданно. В эти камеры на военных кораблях в основном попадали пираты, работоторговцы или другие искатели легкого и незаконного заработка. Тратить на них ресурсы я бы и сама не стала, учитывая, сколько зла они приносили ежедневно.

Взять, например, тех же космических пиратов. Больше сотни лет назад именно они напали на Землю, вынуждая все разрозненные страны сплотиться в поиске способа им противостоять. Различные расы, с которыми мы не сталкивались, другие технологии, о которых мы не подозревали, магия, о которой мы слышали только сказки. У нас не было ничего, чем бы мы могли ответить взамен.

Но мы это создали.

После облучения ударной дозой радиации появились первые сверхлюди, а уже они придумали идеальный ген, модифицированный ровно настолько, чтобы превосходить людей по десяткам параметров, но при этом позволяющий имситах не особо отличаться от людей внешне.

Если бы не космические пираты, люди никогда не сотворили бы монстров собственными руками. И никогда не узнали бы, что такое рабство, ведь фактически они пришли к тому, от чего бежали.

Я несколько не пожалела, что выбрала тюремный отсек. Просидеть даже несколько часов в компании неуравновешенного имсита, да еще и наедине с ним, я бы все равно не смогла. Да, была сама виновата в том, что он разозлился, но кто не безгрешен? Тут бы любой на моем месте нервничал и нес околесицу!

И нет, я не ненавидела модифицированных. Среди имситов было много нормальных существ, ведь не раса определяет характер человека. Но это был незнакомый мне имсит, от которого я не знала, чего ожидать. Сидеть под его надзором на неудобном стуле – это худшее, что мне вообще могли предложить. Лучше уж одиночество и тишина, пусть и на узкой скамейке в тюремной камере два на один.

Было жаль, что не получилось улететь. Я бы действительно могла это сделать. Мои знания, пусть и теоретические, позволили бы не только завести “Малыша”, но и прибыть на Касио, и даже приземлиться на летной площадке возле дома.

Личные корабли не были чем-то необычным, неординарным. Да и разрешение на посадку маленьким космическим кораблям на Касио не надо было получать, в отличие от Земли. Да, это был хороший план, но не проработанный детально.

Я могла бы попытаться улететь еще раз, когда будет посадка. Могла бы спрятаться на корабле, например в складском помещении, но навряд ли мне это удастся. Теперь команда за своими ключ-картами будет следить в два раза интенсивнее, а о той, что до сих пор при мне, стопроцентно вспомнят в самое ближайшее время. Если еще не вспомнили и не деактивировали.

И вот вопрос: почему я до сих пор оставалась спокойна?

Наверное, потому, что у меня имелся план Б. Еще тогда, когда отец только заикнулся о моем скором замужестве, а мачеха принесла буклеты домой, я подумала вот о чем: если сбежать не получится, мне все же придется выйти замуж.

Но не за имсита, совсем нет.

У меня на примете был Джаз, которого уговорить не составило бы труда, но теперь я, к сожалению, была далека от Земли. Однако все еще могла спешно выйти замуж. Только кандидата теперь придется искать в колледже для трудной молодежи.

Ну ничего. Уж я-то точно сумею найти достойную жертву. Потому что мне позарез необходим этот брак. Потому что мне нужна моя свобода.

Пристроившись на узкой скамейке, я каким-то чудом задремала. Если бы корабль не тряхнуло при посадке, я бы и вовсе не проснулась, потому что будить меня не торопились.

– Эй, дежурный! – погромче воскликнула я, прежде откашлявшись. – Я выхожу!

Приложив ключ-карту к экрану, я прождала и минуту, и две, но монитор абсолютно не реагировал. Заблокировали все-таки – это было даже ожидаемо.

– Дежурный! Выпускай давай, мне выходить пора! – проорала я, нетерпеливо тарабанив в стекло.

То ли стекло не пропускало звуки, то ли дежурный не собирался меня открывать: что бы я ни делала, никто и не думал реагировать. За мной не пришли ни через час, ни через два. Создавалось стойкое ощущение, что про меня просто забыли.

И я этому, что уж скрывать, несказанно обрадовалась.

Даже притихла, не желая напоминать о себе, но за мной все-таки явились.

Явился веркомандир этого корыта собственной персоной.

– Ну что, Неженка, готова? – произнес он, едва толстое стекло отъехало в сторону.

– К чему? – опасливо спросила я, понимая, что о помощи тут, кажется, не докричусь.

А меня все-таки зверски убьют!

– К худшим месяцам в твоей жизни, – произнес имсит, слегка приподнимая уголки губ в очень относительном подобии улыбки. – Разреши представиться. Директор колледжа для трудной молодежи, Эльдертарион Тарль. Твой худший кошмар на ближайшие пару месяцев.

Глава 3

Сумасшествие

Меня словно по голове ударили. Я не верила ни собственным ушам, ни глазам. Просто отказывалась верить. Шла за имситом словно сомнамбула, растеряв связь с реальностью, и уже не надеялась на хороший для себя исход.

Все, что могло пойти не так, я уже испортила, а сбежать из-под внимательного взгляда директора колледжа просто не получится. Меня перехитрили – это я понимала отчетливо.

Мы покидали корабль вместе. Со своим чемоданом в тюремный отсек мужчина принес и мой, нарочно оставленный в каюте. Закинув в него мешок, я в нерешительности постояла. Имсит же стоять не стал. Взяв свой чемодан, он направился дальше по коридору. Мне ничего не оставалось, кроме как схватить свою поклажу и плестись за ним.

Корабль уже был пуст, как и пусковая арена, выстроенная на ярко-голубом песчаном берегу джунглей. Собственно, на мостике ровная поверхность и закончилась, а дальше колеса моего чемодана начали увязать в словно выцветающем песке. Нести чемодан над песком не представлялось возможным: он и сам по себе был тяжелым, не считая запиханных в него вещей. На чемодан, который сам летит над любой поверхностью, отец и мачеха не расщедрились, так что приходилось пыхтеть, сопеть и тащить.

Хоть помог бы, что ли! Однако имсит мои пыхтения напрочь игнорировал. В тот самый миг, когда я подумала, что догонять его уже не буду, а просто затеряюсь среди джунглей, этот модифицированный, чтоб его, остановился и обернулся. Я едва миновала ворота пусковой арены.

– Ты еще долго собираешься копошиться? – поинтересовались у меня абсолютно безэмоционально.

– Я иду так, как могу, – процедила я.

– Так попробуй двигаться быстрее.

Колеса увязали в светлом песке, спотыкались о камни. Чемодан падал несколько раз, пока мои каблучки утопали в замаячившей под ногами земле. Идти было просто невероятно тяжело, но я и не думала просить о помощи. Просить имсита о чем-то вообще верх глупости. Гораздо дороже обойдется.

Сжимая зубы, я ползла вслед за Эльдертарионом, но мое терпение подходило к концу. А все потому, что черно-зеленые джунгли казались необъятными и бесконечными. Вязкая пыльная песчано-каменная дорога уходила далеко вперед, кое-где перемешиваясь с грязью. Я такое странное сочетание вообще впервые в жизни видела.

– А что, у вас нет летного авто? – проскрипела я, в очередной раз поднимая чемодан.

Он уже вымазлся и был похож на прямоугольного монстра, что бесчувственного имсита нисколько не смущало. Словно назло мне, он стал идти значительно медленнее, будто подстраиваясь под мой темп, не оставляя мне ни единой лазейки на побег.

– Здесь вообще нет никакого транспорта, если ты не заметила, – ответил директор колледжа.

– Совсем? – уточнила я для проформы. Ни одного летного авто не то что видно, даже слышно не было.

Выразительно на меня взглянув, модифицированный не ответил. Некоторое время мы так и шли молча. Лично я пребывала в некотором шоке от увиденного. В основном в раскинувшихся по сторонам от вытоптанной дорожки джунглях преобладали три цвета: зеленый, черный и коричневый, но не обходилось и без их оттенков. Однако то тут, то там я замечала

разноцветных птиц и, кажется, даже каких-то животных. Они прятались в шелестящих кустах и на дорожку, к счастью, не выходили.

Звуков было много. Тишиной здесь и не пахло. Где-то звонко пела птица, рычал какой-то зверь, а сами джунгли и вовсе казались живыми. Какофония сбивала с толку и немного напрягала, не давала расслабиться. А еще не давала расслабиться неизвестность. Вопросов было слишком много, но спросила я о насущном:

- Идти еще долго?
- Четыре километра.
- Сколько?!

Я аж запнулась от возмущения и непременно улетела бы носом в грязь, которую здесь называли дорогой, но меня поймали за платье и...

Тонкая ткань треснула по швам от рывка имсита, в итоге оставаясь у него же в руке, а я таки свалилась коленками в грязь, не столько больно, сколько обидно ушибившись.

- Вы! – возмутилась я излишне громко, но в руках себя совершенно не держала.

Меня съедало негодование. И злость. Приходилось руками прикрывать обнажившуюся грудь, а сидеть вообще вполоборота.

Серебро в его глазах опасно вспыхнуло, но меня и это не остановило. Да как можно бояться, когда ситуация настолько патовая? Я абсолютно не видела выхода из нее. Как вообще со мной могло произойти нечто подобное?

- Я, – тем временем спокойно произнес модифицированный, не отводя взгляда. Пальцы его разжались, изорванное платье упало в грязь.
- Да отвернитесь вы! – кипела я возмущением.
- Что я там не видел?

И сказано это было так, будто мы говорили о чем-то обыденном. О дождике за окном или о зеленой траве.

Поставив чемодан в грязь, Эльдертарион снял с себя синий военный китель веркомандира. Миг, и он протянул его мне. Это было неожиданно и абсолютно бесперспективно. Так как что в нем, что без него я, по сути, по-прежнему оставалась без одежды. Посреди пустынной дороги в самом сердце джунглей.

Проигнорировав широкий жест, я поднялась. Очень надеялась, что выглядела при этом невозмутимо и достойно.

Взяв собственный чемодан, я гордо отправилась в кусты. Да, ситуация на время выбила меня из колеи своей нестандартностью, но разум-то у меня есть! А еще имеется целый чемодан моих, ну или относительно моих вещей.

- Я бы не советовал тебе идти в джунгли, – донеслось мне в спину.

Клянусь, я уловила раздраженные нотки в его голосе!

- Я в ваших советах не нуждаюсь! – ответила в том же тоне.

Я старалась отойти как можно дальше, чтобы меня не было видно с этого подобия дороги. Стать общественной байкой мне не улыбалось совершенно, так что от возможных свидетелей я решила избавиться наперед.

Забравшись в высокие кусты, разувалась остервенело. Туфли на высоком каблуке разлетелись в разные стороны. Ненавидела каблуки! И туфли ненавидела! И чужую одежду, доставшуюся мне в наследство!

Вытащив одно из ненавистных платьев, я вытерла им колени и ноги. Второе платье натянула на себя. Оно мало чем отличалось от прежнего – тоже короткое, тоже из тонкой ткани, но на этот раз голубое. Могла бы облачиться в штаны – своя одежда мне была куда привычнее и удобнее, – но боялась испачкать их. Платье же можно было натянуть через голову и о новой порции грязи не беспокоиться.

Расправившись с одеждой, я вдруг подумала о том, почему вообще должна идти вместе с этим типом. На дороге за кустами стояла тишина. Я посмотрела в джунгли. Потом на свой чемодан и опять в джунгли. Схватив свой мешочек с документами и прочим, я бросила чемодан и рванула по кустам. То, что я была босиком, меня сейчас мало заботило. А зря.

Я не пробежала и трех шагов. Закричав от резкой боли в стопе, повалилась на извивающуюся траву. Что-то впилося мне прямо в кожу.

Но самое страшное, что имсит оказался рядом со мной в мгновение ока.

Вооруженный ресталкой.

Пожалуй, это было самое ужасающее, что я видела в своей жизни. Передо мной стоял зверь в человеческом обличье. Черты его лица заострились, глаза сверкали, переливались серебром. Кажется, модифицированный даже стал больше – шире плечами, выше, и это пугало. Он сам пугал.

Пугал настолько, что я даже о боли забыла.

Но при этом не могла не восхититься оружием, что остановилось прямо перед моим носом.

Я никогда прежде не видела ресталку живую. Это особо прочное оружие было создано из титана. Не больше полутора метров в длину, по сути, она была сплошной трубкой диаметром пять сантиметров. Идеальна для ближнего боя: ею можно было не только как следует врезать, но и одним ударом расправиться с врагом, потому что на обоих ее концах выдвигались изогнутые толстые иглы – суженные и заостренные.

Но это было еще не все.

Ресталку использовали и в качестве огнестрельного оружия. Заряжались они исключительно на станке – вручную перезарядить было невозможно из-за опасности ожога. В качестве зарядов брались круглые пули из жидкой лавы – по пять с каждой стороны. Холодные внутри орудия из-за специальной оболочки, спадающей при выстреле, они насквозь прожигали даже металлы. Единственное ограничение – дальность выстрела не больше ста метров, но это сейчас было совсем неважно.

Проводив ресталку влюбленными глазами, я вынужденно перевела взгляд на ее обладателя. Изумленно приподняв широкие брови, имсит смотрел на меня, все так же сидящую на земле. Миг, и его взор переместился на чемодан, одиноко стоящий среди кустов. Лицо модифицированного приобрело скупающее выражение.

– Мне в туалет приспичило, – ответила я порывисто.

– Сделаем вид, что я поверил. Только место для побега ты выбрала неудачно, – произнес Эльдертарион, но голос его вдруг изменился. Он зачем-то стал растягивать гласные. – Тебе отсюда не сбежать, Веролика.

– Что происходит? – уточнила я, с трудом расшифровав последнее предложение.

Теперь его голос еще и звучал отдаленно, а он сам, наоборот, казался все ближе и ближе. Я могла поклясться, что ощутила его дыхание на своих губах. Оно прошло по коже легким покалыванием.

– Тебе не сбежать, – повторил он мне прямо в губы.

А после пришла темнота.

* * *

– Швац, прими груз. Продовольственные в пятый и второй, недовольственные в третий и шестой.

– А вы? – осведомился парень.

– А я проконтролирую посадку пассажиров. Постарайтесь не нарушить время вылета.

– Да это всего один раз случилось, товарищ веркомандир.

– Где один раз, там и второй.

На самом деле контролировать посадку пассажиров не было необходимости. Команда прекрасно справлялась со своими обязанностями. Дело было в другом. Эльдер уже очень давно не отправлялся на Землю, а теперь стоял на трапе, смотрел вдаль поверх железного забора и абсолютно не чувствовал ностальгии.

Ему никогда не нравилось здесь жить. Слишком шумно, слишком грязно, слишком много летных машин и слишком широкие границы между рабочим, средним и высшим классом. Настолько широкие, что преодолеть их просто нереально, даже если всю жизнь пахать с раннего утра до темной ночи. Ты либо родился в удачной семье, либо тебе изначально не повезло.

Эльдер считал, что относится к последнему варианту. Его всегда угнетал образ жизни, который вели имситы, угнетала ответственность, с которой они рождались. Модифицированные входили в этот мир с определенными целями, и эти цели были куда выше всего насущного. Фактически именно семьи имситов управляли Землей, а теперь еще и Касио, но к этому дню их влияние значительно снизилось благодаря долгой и упорной работе пяти действующих веркомандиров.

И Эльдер был этому рад.

Мужчина не желал ответственности. Не желал ответственности в той степени, в которой ее на него возлагали. Именно он должен был унаследовать все активы семьи, но пошел наперекор отцу, чьим любимчиком и гордостью всегда являлся.

Так и не закончив обучение в Космической Военной Академии, Эльдертарион отправился на Малли. Его помощь и связи пригодились Малике – девушке, завоевавшей третью планету и доверие ее коренных жителей, а сам модифицированный нашел способ заработать на этом сотрудничестве и вскоре перестал зависеть от семьи. После этого и мать, и отец отказались от обоих своих детей, но ни Эльза, ни Эльдер из-за этого нисколько не расстроились.

Он бы очень удивился, если бы эти события привели к другому исходу.

Скинув с плеч груз, что так тяготил мужчину, модифицированный оказался совершенно свободен в своих целях и желаниях. В первое время он даже растерялся, не понимая, чему хочет посвятить свою жизнь. Ведь центром его жизни всегда являлась его несносная младшая сестра.

Именно в раздумьях об Элааизе, Малике и Каролине он и пришел к тому, что имел сейчас. Каждая из них внесла свой вклад в его жизнь, и каждой он так или иначе смог помочь, но ведь таких, как они, запутавшихся, нуждающихся в своевременной поддержке – сотни, а то и тысячи.

Ему захотелось создать место, куда девушки в трудном положении могли бы уйти, где могли бы спрятаться и научиться воспринимать этот мир по-другому. Ему захотелось помогать не только этим трем, но и тем другим, кто в этом нуждался. Так и появился закрытый колледж для трудной молодежи, куда он брал исключительно девушек, дабы избежать ненужной темы отношений и разбитых сердец. Даже преподаватели и те были женщинами – все, кроме него, но в себе мужчина был уверен. Для него воспитание девушек – это работа и ничего более.

Кто бы знал десять лет назад, что в его жизни все так обернется?

Услышав раздражающий запах, имсит в один миг нашел в толпе пассажиров незнакомую девушку. Она уверенно поднималась по трапу в десяти шагах от него под цепкими взглядами других модифицированных и обычной женщины.

Поймав за руку своего первого помощника, Эльдер попросил выяснить данные незнакомки в красном. Ему стало любопытно, с какими целями она ступила на этот корабль, но это любопытство было не праздным. Среди немногочисленных пассажиров и провожающих имелись и другие молодые девушки, по которым он пробежался взглядом. Одна из них – его будущая подопечная.

– Товарищ веркомандир, разрешите доложить? – через некоторое время вернулся к нему первый помощник. Получив скупой кивок, означающий согласие, мужчина продолжил: – Все пассажиры на борту и заняли свои места в каютах. Груз закреплен и проверен.

– А та девушка в красном платье? – Развернувшись, имсит поднимался по трапу, чтобы проконтролировать взлет.

– Веролика Мерль, товарищ веркомандир. Летит в...

– Я знаю, куда она летит, – отчего-то расстроился Эльдер, не сумев подавить вздох разочарования.

И даже сам не мог себе объяснить, почему испытал эти эмоции. Будь его подопечной другая девушка, наверняка его реакция не стала бы столь необычной. Возможно, все дело было во внешнем виде Веролики. На фото, отправленном ее отцом, она предстала... другой. Не настолько похожей на Элааизу, которая даже на борт космолета умудрялась заходить не в синей форме космических войск, а на каблуках и в платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.